

УДК 347.736.4

А. А. Тюкавкин-Плотников*

О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы определения лиц, контролирующих несостоятельного должника. В процессе анализа норм законодательства о несостоятельности (банкротстве) и судебной практики изучается круг лиц, которых следует рассматривать в качестве контролирующих должника лица. Сделан вывод о недопустимости широкого понимания термина «контролирующие должника лица». Предложено авторское определение контролирующего должника лица.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банкротство, субсидиарная ответственность, субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц.

A. A. Tyukavkin-Plotnikov

ABOUT THE PROBLEMS OF DETERMINING THE CONTROLLING DEBTOR OF THE PERSON IN THE BANKRUPTCY CASE

In this article, the author examines the issues of determining the persons controlling the insolvent debtor. In the process of analyzing the norms of insolvency (bankruptcy) legislation and judicial practice, he considered the range of persons who should be considered as controlling the debtor. It is concluded that a broad understanding of the term «controlling persons of the debtor» is unacceptable. The author's definition of the controlling debtor is proposed.

KEYWORDS: bankruptcy, subsidiary liability, subsidiary liability of persons controlling the debtor.

Как следует из самого понятия «субсидиарная ответственность контролирующего должника лица», привлечению к субсидиарной ответственности подлежит такое лицо, которое имеет (или имело ранее) возможность контролировать должника.

* *Тюкавкин-Плотников Алексей Александрович*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения.

Между тем понятие «контролирующее лицо» применяется не только в федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве). Данное понятие содержится также в п. 1 ст. 81 федерального закона «Об акционерных обществах» [2], в подп. 24 п. 1 ст. 2 федерального закона «О рынке ценных бумаг» [3], в п. 1 ст. 45 федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4], в ст. 25.13 Налогового кодекса РФ [5], в подп. 3 п. 1 ст. 8 федерального закона «Об аудиторской деятельности» [6], в п. 10 ст. 2 федерального закона «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» [7], в подп. 4 п. 1 ст. 2 федерального закона «Об организованных торгах» [8]. Сходные понятия имеются и в других законодательных актах РФ. К примеру, в ст. 2 федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [9], в ст. 14.2 федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [10], в ст. 5 федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» [11] понятие контролирующего лица раскрывается через определение контролируемого лица, а в пп. 1–3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ [12] фактически содержится перечисление лиц, относящихся к контролирующими, без использования этого термина, просто как лиц, определяющих действия юридического лица. Однако в рамках настоящей статьи речь пойдет о контролирующем должника лице исключительно с позиций Закона о банкротстве.

Согласно п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве, под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Кроме того, Закон о банкротстве содержит перечь лиц, которые потенциально могут быть привлечены к субсидиарной ответственности. В качестве таковых могут быть признаны лица:

- в силу их нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения;

- в силу наличия у них полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на нормативном правовом акте, уставе, доверенности, решении собрания либо ином специальном полномочии;

- в силу их должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора, а также иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника);
- в силу наличия иной возможности определять действия должника, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом.

Помимо этого, Закон о банкротстве устанавливает три опровергимые презумпции контроля. Так, пока не доказано иное, предполагается, что лицо выступало контролирующим должника лицом, если оно:

- являлось руководителем должника или управляющей организацией должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;
- имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50 и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем 50 % долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем 50 % голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;
- извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ.

Следует отметить, что указанный перечень лиц, относимых к числу контролирующих, не является исчерпывающим, поскольку Законом о банкротстве предусмотрено, что контролирующим должника может быть признано иное лицо по иным основаниям. Другими словами, Законом о банкротстве строго не ограничивается круг лиц, которые могут быть признаны контролирующими.

Более подробные пояснения касательно оснований привлечения к субсидиарной ответственности в рамках банкротства содержатся в иных актах, издаваемых органами как исполнительной, так и судебной власти.

В частности, в письме ФНС России «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@ [13] конкретизируются положения ст. 61.10 Закона о банкротстве о признании лица контролирующим должника по иным основаниям. Так, согласно п. 2.2 данного письма, суд может признать лицо контролирующим в отношении должника по любым иным доказанным основаниям (п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве), которые прямо в законе не указаны.

Этими основаниями могут служить, к примеру, любые неформальные личные отношения, в том числе установленные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, например совместное проживание (в том числе состояние в так называемом гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т. п.

Однако стоит отметить, что, согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 21 декабря 2017 г. № 53 [14], лицо не может быть признано контролирующим должника только на том основании, что оно состояло в отношениях родства или свойства с членами органов должника. Названные лица могут быть признаны контролирующими должника на общих основаниях.

Указанное постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 содержит достаточно подробные критерии определения контролирующего должника лица, расширяя список лиц, которые могут быть признаны контролирующими должника. В соответствии с данным постановлением к субсидиарной ответственности может быть привлечен и так называемый номинальный руководитель, т. е. лицо, которое формально входит в состав органов юридического лица, но не осуществляет фактическое управление. По мнению Пленума Верховного Суда РФ, такое лицо, несмотря на то что оно фактически не осуществляет руководство должником, тем не менее не лишено возможности контролировать должника, осуществлять надзор за его деятельностью.

В рассматриваемом постановлении Пленума ВС РФ подчеркивается необходимость установления наличия именно фактического контроля при определении того, является ли то или иное лицо контролирующим, вне зависимости от наличия каких-либо формально-юридических признаков аффилированности. Данное положение подтверждается и судебной практикой [15–17].

Как указывает И. С. Шиткина, «при наличии фактического контроля речь здесь идет о так называемых бенефициарных владельцах (фактических получателях дохода, “конечных собственниках”). С учетом конкретных обстоятельств в каждом случае могут применяться различные критерии, свидетельствующие об осуществлении лицом фактического контроля» [18].

Стоит обратить внимание на тот факт, что, согласно п. 6 ст. 16.10 Закона о банкротстве, не может быть признано контролирующим должника лицом такое лицо, которое владеет менее чем 10 % долей уставного

капитала либо акций юридического лица и получает обычный доход, связанный с таким владением (при отсутствии иных признаков существенного контроля).

Таким образом, исходя из проанализированных положений законодательства РФ, правоприменительной практики, специальной литературы можно сформулировать определение контролирующего должника лица.

Контролирующее должника лицо – лицо (физическое или юридическое), имеющее фактическую возможность контролировать деятельность должника и (или) извлекать прибыль, быть бенефициаром при совершении данным должником сделок, иным образом оказывать существенное влияние на деятельность должника.

Соответственно, исходя из сложившегося законодательства и практики его применения можно говорить о том, что контролирующими должника лицом может быть признан любой участник гражданского оборота, который так или иначе имел возможность осуществлять фактическое и существенное влияние на деятельность компании-банкрота.

Однако возникает ситуация, когда возможность привлечь к субсидиарной ответственности любое так или иначе задействованное в руководстве организацией лицо в сочетании с установленными законодательством опровергимыми презумпциями контроля приводит к тому, что кредиторы и конкурсные управляющие, желая любыми способами пополнить конкурсную массу, пытаются привлечь к субсидиарной ответственности и лиц, оказывающих консультационные услуги руководителю компании-банкрота. В первую очередь такими консультантами могут оказаться юристы и юридические компании, которые ранее оказывали услуги должнику.

В современной практике все чаще встречаются попытки привлечь юридические компании к субсидиарной ответственности как лиц, фактически осуществляющих контроль за деятельностью должника. Рассмотрим подробнее несколько примеров из судебной практики.

Так, в деле о банкротстве ООО «Агрочайна Рус» конкурсный управляющий пытался привлечь к субсидиарной ответственности ООО «Юридическая фирма “Некторов, Савельев и партнеры”». В обоснование своих доводов конкурсный управляющий отмечал, что лица, чьи контактные адреса электронной почты были указаны в банковских документах должника, являлись в соответствующие периоды сотрудниками юридической фирмы, один из которых был ранее генеральным директором должника. Также конкурсный управляющий указывал, что юридической фирме переводились денежные средства за оказание юридических услуг должнику (при отсутствии какой-либо экономической

целесообразности для этого, поскольку фактически деятельность должником не велась). Исходя из данных обстоятельств, конкурсный управляющий делал выводы о том, что ООО «ЮФ “Некторов, Савельев и партнеры”» фактически осуществляло руководство должником, маскируя контроль над ООО «Агрочайна Рус» оказанием услуг по юридическому сопровождению.

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 21 октября 2021 г. по делу № А40-297262/2018 истцу было отказано в привлечении ООО «ЮФ “Некторов, Савельев и партнеры”» к субсидиарной ответственности. В обоснование своих доводов суд подчеркнул, что в материалах дела не представлены доказательства того, что юридическая фирма действительно каким-либо образом могла влиять на деятельность должника [19]. Данные доводы суда подтвердила и апелляционная инстанция: в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 января 2022 г. указывается, что доказательств того, что юридическая фирма являлась выгодоприобретателем по сделкам или отдавала какие-либо приказы генеральному директору, не представлено. Более того, как следует из материалов дела, согласно отзывам ответчиков, адреса электронной почты сотрудников ООО «ЮФ “Некторов, Савельев и партнеры”» указывались в банковских документах для решения правовых вопросов в рамках оказания должнику юридических услуг. Суд апелляционной инстанции верно отметил в решении, что «оказание ООО Юридическая фирма “Некторов, Савельев и Партнеры” (ОГРН: 1137746656992) юридических услуг Должнику не может являться основанием для признания лица контролирующим. Доказательства наличия у ответчиков фактической возможности давать Должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия, конкурсным управляющим в материалах дела не представлены» [20].

Согласно материалам другого дела, связанного с банкротством сельскохозяйственного сбытового потребительского кооператива «Уральская плодоовоощная компания», конкурсный кредитор просил признать контролирующим должника и привлечь к субсидиарной ответственности лицо, оказывавшее ранее юридические услуги должнику. Обосновывая свои требования, конкурсный кредитор указал, что ответчик оказывал юридические услуги должнику, а денежные средства, перечисленные юристу, привели к банкротству должника. Определением Арбитражного суда Челябинской области от 16 декабря 2020 г. в удовлетворении заявления в части привлечения юриста к субсидиарной ответственности было отказано. Суд обосновал данные выводы отсутствием в материалах дела каких-либо реальных доказательств

наличия у юриста реальных возможностей контролировать действия должника [21].

Судебная практика содержит и иные, аналогичные вышеприведенным примеры попыток конкурсных кредиторов и конкурсных управляющих привлечь к субсидиарной ответственности юристов должника (см., например, определение Арбитражного суда Московской области от 27 ноября 2020 г. по делу № А41-12099/16 [22]).

В большинстве случаев суды отказывают в удовлетворении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в части требований к лицам, оказывающим юридические услуги должнику. Наиболее распространенной причиной для отказа служит отсутствие в материалах дела каких-либо доказательств того, что лицо, оказывавшее ранее должнику юридические услуги, фактически имело возможность контролировать деятельность должника, сам же факт оказания юридических услуг, по мнению судов, не служит доказательством совершения юристами должника каких-либо действий в ущерб финансовому состоянию должника и интересам его кредиторов.

При предъявлении подобных требований к юристам должника ответчиком обычно доказывается, что оказание юридических услуг не является фактическим контролем должника (см. дело № А20-2256/2016 [23]), а действия юриста не отразились на финансовом состоянии должника.

Очевидно, что кредиторы, конкурсные управляющие при предъявлении подобных требований к юристам компании-должника исходят из предположения, что данные лица, обладая профессиональными знаниями в области права, могут давать советы руководителям должника или же напрямую участвовать в выводе активов компании-банкрота, иными способами приводить компанию-банкрота к неплатежеспособному состоянию. Безусловно, такое может иметь место, тем более если речь идет о банкротстве крупной компании, предприятий с многочисленными активами и большими денежными обязательствами перед контрагентами.

Однако, повторим, чаще всего суды отказывают в привлечении к субсидиарной ответственности по данного рода заявлениям именно из-за отсутствия какой-либо существенной доказательной базы у заявителей.

Такая ситуация, по нашему мнению, складывается именно из-за неверного толкования норм ст. 61.10 Закона о банкротстве. Как уже было указано выше, данная статья дает лишь три опровергимые презумпции, которые распространяются на прямых (не скрытых, указанных в регистрационных и учредительных документах) руководителей должника (в том числе управляющие компании, ликвидационные комиссии и

т. д.), мажоритарных владельцев компании-банкрота и лиц, которые извлекали выгоду от действий данных лиц. Данный перечень является исчерпывающим и не содержит иных презумпций. Установление иных презумпций означало бы нарушение основополагающих начал гражданского права, а именно закрепленную в ст. 10 ГК РФ презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений. Данная презумпция означает, что добросовестность участников гражданских правоотношений по отношению друг к другу (т. е. соблюдение ими принципа добросовестности, содержащегося в ст. 1 ГК РФ) предполагается. Другими словами, считается, что, пока не доказано иное, лицо действовало по отношению к своему контрагенту честно, без обмана. Ю. В. Виниченко указывает на то, что «в равной мере допустимо интерпретировать презумпцию добросовестности и как предположение извинительного незнания определенным лицом каких-либо фактов и обстоятельств (предположение субъективной добросовестности), и как предположение того, что участники гражданских правоотношений соблюдают принцип добросовестности, то есть действуют добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей (предположение объективной добросовестности)» [24].

Как считает И. С. Шиткина, «говоря об обеспечении баланса интересов кредиторов и акционеров (участников), собственников юридического лица, следует отметить, что для отечественного банкротного (впрочем, не только банкротного, но и в целом гражданского) законодательства характерен прокредиторский подход к правовому регулированию. Защита имущественного оборота (читай – защита кредиторов юридического лица) иногда превращается в самоцель, фетиш. А ведь за фасадом юридического лица находятся его учредители (участники), законно использующие “оболочку” юридического лица, в том числе с целью легитимного ограничения своей ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности» [25]. Из-за такого прокредиторского подхода законодателя в силу присутствия в ст. 61.10 Закона о банкротстве лишь акцентов на презумпции контроля и весьма общих основаниях признания лица контролирующим должника возникает ситуация, когда кредиторы и конкурсные управляющие искаженно понимают смысл законодательных положений.

Исходя из проанализированной нами судебной практики заявители по спорам о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности часто искаженно понимают суть ст. 61.10 Закона о банкротстве, очевидно предполагая, что опровергимые презумпции контроля действуют абсолютно на любое лицо, которое хоть каким-

то образом связано с деятельностью должника. Об этом говорит распространенное на практике непредоставление (отсутствие) каких-либо доказательств, подтверждающих доводы заявителя о наличии у того или иного лица статуса контролирующего должника.

В рассмотренных нами примерах судебной практики мотивы кредиторов, конкурсных управляющих понятны: юрист, который оказывал консультационные услуги руководителю должника, мог давать советы на предмет того, как в ущерб интересам кредиторов избежать неблагоприятных последствий в случае неуплаты долга (советы по выводу активов должника и т. д.). Также конкурсные кредиторы и управляющие стремятся найти так называемых теневых бенефициаров (т. е. лиц, которые управляют компанией без формально-юридических признаков affiliation).

Однако суды во всех приведенных нами случаях из судебной практики правомерно отказывали заявителям, выдвигая верный тезис о том, что само по себе оказание юридических услуг должнику не является контролем юридического лица. Если бы суды придерживались иного подхода, то возникла бы ситуация, когда любое лицо, бывшее ранее контрагентом должника, будет вынуждено доказывать в судебном заседании, что оно не является контролирующим должника, а просто заключало с ним договоры в рамках обычной хозяйственной деятельности, что недопустимо из-за нарушения уже упомянутой нами презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений [26].

Ситуация, когда кредиторы и конкурсные управляющие необоснованно указывают на наличие статуса контролирующего должника лица по отношению к контрагентам должника, возникает, по нашему мнению, из-за несовершенства юридической техники при формулировании ст. 61.10 Закона о банкротстве. Считаем, что требуется более подробно регламентировать определение контролирующего должника лица, правила процесса доказывания наличия такого статуса. Так, необходимо дополнить упомянутую нами норму положением о том, что доказывание наличия статуса контролирующего должника лица лежит на заявителях в общем порядке в соответствии со ст. 65 АПК РФ [27], согласно которой каждое лицо,участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. И только после этого должно быть указано (в качестве исключения) три уже упомянутых нами опровергимых презумпции контроля.

Такое указание на обязательное доказывание заявителем обстоятельств, на которые он ссылается при привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, повысит общие стан-

дарты доказывания при рассмотрении таких категорий споров в суде, будет препятствовать выдвижению необоснованных требований к контрагентам должника и любым иным лицам, которые оказывали те или иные услуги должнику.

Согласно п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве, арбитражный суд может признать лицо контролирующим должника лицом по иным основаниям. Полагаем, что данное положение является неточным, поскольку для определения лица как контролирующего должника существует лишь одно основание – фактический контроль. Как отмечает Р. К. Лотфуллин, «представляется, что указание в п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве на возможность установления статуса КДЛ по иным основаниям является недостатком юридической техники. Единственное основание для признания наличия данного статуса – это возможность определять действия должника. Очевидно, разработчики главы III.2 Закона о банкротстве под “иными основаниями” имели в виду обстоятельства, в силу чего возникает такая возможность» [28]. В связи со сказанным видится необходимым исправить данную норму, дабы четко обозначить, что существует только один и самый главный признак контролирующего должника лица – фактический контроль за деятельностью должника.

Также представляется необходимым включить в ст. 61.10 Закона о банкротстве такое понятие, как «номинальный руководитель», закрепить признаки такого руководителя, порядок признания его как контролирующего должника лица, соотношение номинального и фактического руководителя в системе управления юридическим лицом-должником. Также следует инкорпорировать сформированные Верховным Судом РФ положения по данному вопросу.

Реализация выдвинутых нами предложений позволит более четко сформировать у заявителей по делам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц стандарты доказывания, понимание того, где бремя доказывания лежит на кредиторах и конкурсных управляющих, а где – на самих руководителях организаций-должника. Все это в совокупности предоставит возможность более четко разделять, какие лица действительно подлежат привлечению к субсидиарной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. О несостоятельности (банкротстве) : Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Об акционерных обществах : Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

3. О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
4. Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
6. Об аудиторской деятельности : федер. закон от 30 дек. 2008 г. № 307-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.
7. О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 904.
8. Об организованных торгах : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 325-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.
9. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации : федер. закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.
10. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : федер. закон от 20 дек. 2004 г. № 166-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52, ч. 1. Ст. 5270.
11. О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства : федер. закон от 29 апр. 2008 г. № 57-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ : письмо ФНС России от 16 авг. 2017 г. № СА-4-18/16148@ // СПС «Консультант Плюс».
14. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 53 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 ноября 2021 г. № А56-91153/2019. URL: <https://www.sudact.ru>.
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 1 декабря 2021 г. № А44-151/2017. URL: <https://www.sudact.ru>.
17. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 27 июля 2021 г. № А19-19040/2020. URL: <https://www.sudact.ru>.
18. Несостоятельность (банкротство): учебный курс : в 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. М. : Статут, 2019. Т. 2. 848 с.
19. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21 октября 2021 г. № А40-297262/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 января 2022 г. № А40-297262/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
21. Определение Арбитражного суда Челябинской области от 16 декабря 2020 г. № А76-22330/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
22. Определение Арбитражного суда Московской области от 27 ноября 2020 г. № А41-12099/2016. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/654b6352-e4b8-4d61-8aab-36fea7956c6c>.
23. Определение Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 6 апреля 2021 г. № А20-2256/2016. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

24. Виниченко Ю. В. О презумпции добросовестности в российском праве / Ю. В. Виниченко // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 285–301.
25. Шиткина И. С. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности / И. С. Шиткина // Закон. 2017. № 8. С. 18–33.
26. Ганин П. В. Юристы и консультанты как субъекты субсидиарной ответственности / П. В. Ганин // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 2 (233). С. 83–86.
27. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 951-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
28. Лотфуллин Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве / Р. К. Лотфуллин. М. : Статут, 2021. 556 с.